

16. Цыганенко, Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев : Рад. шк., 1989. – 511 с.

17. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2-х томах / В. И. Даль. – М. : Художественная литература, 1984. – 399 с., илл.

Abstract. Phraseological units, which exist in the Russian dialects of Odessa region and group within the framework of spiritual-religious linguocultural code, are examined in the article. On the wide language material the author comes to conclusion that the spiritually-religious code translates becoming the inalienable part of traditional folk culture major moral directions, prescriptions and deep values.

Keywords: spiritual-religious linguocultural code, phraseological unit, Russian dialects of Odessa region.

УДК 811.162.3'373

А. М. Архангельская

KOLIKRÁTE ČECH MUŽE ŘÍCI: JEST OPILÝ
(лингвистические размышления над первым списком
чешской «алкогольной» фразеологии)

Аннотация. В основу исследования положен первый список чешских устойчивых выражений, обозначающих пьяного человека, составленный известным этнографом Ченек Зибертом в начале XX века. Осуществлен семантико-мотивационный анализ устойчивых фраз с учетом общих для европейского ареала мотивационных моделей в сопоставлении с алкофразеологией, представленной в чешской фразеологии XX–XXI вв., изучена динамика выражений из «списка Зиберта» в проекции на фразеологические и паремиологические, идеографические словари и словари чешского субстандарта.

Ключевые слова: Ченек Зиберт, первый список чешской алкогольной фразеологии, семантико-мотивационное моделирование, фразеологическая динамика.

Семантическое поле «Пьянство», несомненно, – одна из мощных фразеологических универсалий, характерных для всех языков Европы. Его систематизации в языках европейского ареала уже более ста лет, а изучение и разносторонняя интерпретация образа Homo alcoholicus как на материале различных славянских и неславянских языков, так и в сопоставительном плане продолжает оставаться актуальной и сегодня.

Инспирацией к написанию данного исследования стали заметки известного чешского этнографа Ченека Зиберта [1; 2], одного из первых славянских ученых (после русского этнографа Павла Никитича Тиханова), собравших воедино и представивших обобщенную систематизацию выражений, обозначающих пьяного человека в чешском языке. Перечень чешских алко-выражений («přehled, jak Čech může naznačit, komu pivo chutnalo»), собранный Ченек Зибертом и поданный списком без комментариев, впервые увидел свет по просьбе издателя и редактора журнала чешских пивоваров «Sládek» Отакара Захара под названием «Kolikrát Čech může říci o někom, že se napil» как одностраничный сегмент книги «Pivo v písních lidových a znárodnělých» [1, с. 238]. Позже, в 1913 году, он опубликован повторно в журнале «Vydrovy besedy» под несколько измененным названием «Kolikrát Čech může říci: jest opilý» [2, с. 215–216]. Оба списка не являются абсолютно идентичными, поэтому в анализе они объединены под общим названием «список Зиберта». Примечательно, что в тексте книги, собранной воедино народно-песенный фольклор, посвященный пиву в чешской культурной традиции, встречается значительное количество алко-выражений, по непонятным причинам не включенных в «список» (*Kamarád z mokré čtvrti, Spolek mokrých bratříčků, Pivní bratr (kamarád), Napil se jako putna, Tluče žbanky, Kouká do džbánka, Poljevat po plněm poháre*

(*po plnej skleničce*), *Vzítí si opici za ženu*, *Propit svou duši*, *Mít rúš*, *Nachytal opic*, *Jít ouzkou cestou*, *Měl čepici za klobouk*, *Má bez dna střevo*, *Vypil by i dřevo*, *Má rozumu plnou čepici* и многие другие).

В двух упомянутых выше «списках Зиберта» находим 123 выражения с общим значением 'он пьян', актуальных на рубеже XIX и XX веков. При этом составляющие языкового образа чешского пьяницы, систематизированные и представленные им, обнаруживают выразительную качественную и количественную специфику по сравнению с аналогичными языковыми образами, засвидетельствованными в сборниках Я. Заоралека (LR), В. Флайшганса (ČP), в Словаре чешской фразеологии и идиоматики (SČFI 1–5), в идеографических словарях чешского языка (ČSVS, TJČ), словарях субстандарта (ŠJČ) и описанными в целом ряде работ [3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.].

Всецело принимая мнение В. М. Мокиенко о том, что «алкогольный дух (spiritus) во фразеологическом преломлении <...> не имеет ничего общего с сугубо национальным характером русских, немцев, поляков или чехов», что при сопоставлении такого материала «сугубо национальной специфики ни в самом древнейшем феномене пьянства, ни в его языковой картине найти невозможно», и предупреждение об обязательном оснащении изучения образа пьяницы межъязыковым анализом, не пытаясь вывести из универсально человеческого национально специфического и уклоняясь от упрощенной характеристики национального, мы решились на не межъязыковое, а на внутриязыковое исследование. Его целью стал взгляд на вербальную презентацию чешского пьяницы «в списке Зиберта», на ее специфику как оригинальный результат народной фантазии, народного фразеотворчества и мотивационно-языковой избирательности с учетом иноязычных влияний. Отдельное внимание будет уделено динамике зафиксированных Ченекон Зибертом единиц в проекции на «*Lidová řeční*» Я. Заоралека и «*Česká přísloví*» В. Флайшганса, фразеологический словарь чешского языка, идеографические словари и словари субстандарта.

Метр изучения фразеологии пьянства в славянском и неславянском языковом пространстве, автор идеи фразеологического моделирования В. М. Мокиенко на основе огромного количества исследований приходит к выводам: «За национальной маркировкой сравнений стоит лишь универсальная для фразеологических систем семиотическая оппозиция «СВОЙ» – «ЧУЖОЙ», ко второму полюсу которой обычно относят отрицательно коннотированные характеристики» [3, с. 21]. По его убеждению, в славянских и неславянских языках обнаруживаются и работают равноположные структурно-семантические и мотивационные модели, легко обнаруживающие общий *tertium comparationis* [3, с. 21]. Изучение семантического поля «пьянство» на основе внутренней мотивации его составляющих свидетельствует о том, что преобладающее большинство подобных выражений образованы в рамках определенных семантических моделей [5, с. 65]. И хотя далеко не все устойчивые фразы, представленные в заинтересовавшем нас «списке Зиберта» представляют собой классические эксплицитные сравнения, попытаемся проанализировать их за базовыми мотивационными сферами, очерченными В. М. Мокиенко на материале чешского языка и уточненными на материале русского языка в соавторстве с Х. Вальтером [5, с. 65; 4, с. 55–58]. Авторы подобной схемы анализа алко-фразем замечают, что «не все подобные выражения, разумеется, могут быть уложены в прокрустово ложе предлагаемой классификации» [4, с. 55–58], но в нашем случае такая классификация становится крайне ценной, поскольку позволяет, по образному выражению О. И. Федосова, на первом этапе сравнить «яблоко с яблоком, а не с арбузом» [8, с. 255]. В дальнейшем анализе мы принимаем во внимание и неизбежные факты интеракций и пересечений мотивационных сфер, одна из которых оказывается доминирующей в вербальной презентации алко-фразеологического образа.

Изучая с точки зрения мотивационного моделирования чешскую алко-фразеологию, В. М. Мокиенко ставит на первое место мотивационную модель «матери-

ал, легко впитывающий жидкость, или что-либо, сделанное из такого материала». В «списке Зиберта» обнаруживаются типичные и особые мотивы, связанные с жидкостью и ее способностью впитываться в больших и чрезмерных количествах. Уподобление материалу, легко всасывающему жидкость, стало мотивом относительно небольшого количества выражений, основанных на способности впитывать жидкость деревянным предметом, в том числе и деревянной частью хозяйственных предметов, а также фитилем керосиновой лампы: *Ten ji má jako tram, Ten jako motyka, Má knot*. Часть примеров содержит глагол *mazati* 'pít přes míru': *Ten se namazal* и апелляцию к предметной сфере объектов, впитывающих жидкость (включая и голову человека – в переносном смысле): *Mazal pištal, Maže deku, Listonoš Kuchta říkal: Mažem deku!, Maže kouli, Namazal si šišku*. Более активно представлен мотив наличия чрезмерного количества «горючей» жидкости в организме человека: *Te se nacáknul, Ten je zmoklý, Ten se nalil, Ten si cucnul, Ten se naflakal, Je zmáchán, Je nalíznut*. В эксплицированном сравнении пьяница уподобляется кляксе: *Je jako kaňka*. Мотив «размокший, раскисший» проступает в выражениях *Ten je zbryndán, Ten střikuje, Je nastříknut*. Наличие определенно-го или чрезмерного количества жидкости (алкоголя) в организме мотивируется также движениями человека и действиями с емкостью для его употребления (наклонить, чокнуться с кем-то): *Ten si notně přihnul, Je nařuknut*. Любопытным представляется пример с «отталкивающим жидкость» мотивом, видимо, для обозначения человека-бездонной бочки, устойчивого к алкоголю: *Je osmolen*.

Мотивационная модель алко-сравнений и алко-выражений «емкость, куда налита или наливалась жидкость» в анализируемом материале представлена лишь фрагментарно: *Pil o sklenici víc, Pařil na tři kotle*. Зафиксировано два примера с мотивацией «заглядывать на дно» емкости для употребления алкоголя: *Kouknul se hluboko, Kouknul se ke dnu*. Мотивационные модели «животное», «человек по профессии, социальному статусу, этнической принадлежности» и другие модели, выделенные В. М. Мокиенко и Х. Вальтером [4], в «списке Зиберта» не представлены. Любопытно, что не представлена и мотивационная сфера «уподобление тяжелому, грубому, твердому предмету», однако имеет место уподобление предмету (материалу или веществу) испорченному, измельченному, ненужному и мягкому: *Je zdrcnut, Je na cucky, Je na hadry, Je na padří, Je rozsekán, Je zmáchán, Je nařuknut, Je na cimpcampr*. Имеют место и два примера, связанные с огнем как мотивом объективации характеристики «пьяный»: *Ten hoří, Hoří mi v troudňiku (troudňik – 'сосуд для складирования troudu – легковоспламеняющегося материала для разжигания огня') и рапсовым маслом (Má řepici)*.

С другой стороны, в исследуемом материале широко представлена антропная сфера и антропные мотивационные сегменты. Первым из них оказывается измененное физическое состояние, дезориентация и абнормальные движения пьяного человека: *Neví jak hlavu nést, Hlava mu jde kolem, Všetko se ním točí, Svět se s ním točí, Ta jím mlátí, Ta jím trhá*, изменение качества зрения: *Dělají mu mžitky, Dělají se mu kola, Svití se mu z očí*, невозможность нормально передвигаться с помощью ног: *Metal pochopy (pochop – устар. 'спотыкание')* или мотание из стороны в сторону vs движение кругами: *Má širokou cestu, Jde široce, Cesta mu nestačí, Jde ode zdi ke zdi, Motá se, Plete krajky, Ten kroužil, Neví jak hlavu nést*. Далее следуют изменения речи – неспособность к нормальному произношению и говорению: *Má těžký jazyk, Ten bručí, Nemůže říci: mohovitost, Ten neřekne: Meklembruk*, чрезмерная разговорчивость: *Ten zná mluvnicki* и необычно высокий тон голоса: *Z fis ožralý (fis – нем. 'наименование тона, на полутон выше, чем тон')*. Мотив неадекватного поведения (похож на маленького ребенка, странно себя ведет, будто у него что-то чешется) обнаруживаем в выражениях *Je na capart, Má drbnici*. Пьяный становится либо вполне счастливым и довольным жизнью: *Udělat si bene (bene – лат. 'хорошо'), Má habemus (habemus – лат. 'у нас есть')*, либо сентиментально-плаксивым: *Ten je zdrcnut, Má plačtivou, Ten se trápí, On želí*, либо готов буйно веселиться и пуститься в разгул: *Te je na frc (frc – нем. сленг. 'забава')*,

Je střelen, Vyrazil si z kopejtky, либо ведет себя как полоумный: *Má cvrčky v palici, Má v hořejším štoku* (*štok* – ‘верхняя часть побега хмеля’). Да и выглядит он странно: *Má pentlici, Má cop*, сам синего цвета: *Je slíva*, растрепанный: *Ten se zcuchal, Má beranici*, неопрятный: *Kácejí se mu holinky*.

Не можем обойти вниманием и тот факт, что исследованный материал представляет значительную часть выражений, иронически обозначающих пьяного человека, уверенного в своих высоких умственных способностях («dobré pivo i flamendrovi jakési vážnosti dodává... on si předce vykračuje jako lev, jako tento, králem býti mně» [2, с. 245]): *Jest osvícen, Má páru v hlavě, Má již o kolečko víc, Vypsal pár plajštiftů* (*plajštift* – из нем. *Bleistift* ‘карандаш’). Особый интерес представляют выражения *Ten má fištroun* и *Má v kotrbě*. В издании «Krkonošské nářečí, aneb co to je, když se řekne...» (www.krnap.cz) находим оба ключевых для исследуемых алко-фразем слова в одном контексте: *Ani krkonošští horáci nebyli žádní nedovtipové, fištrónu mívaly jejich horské kotrby na rozdávání*. Первый из них – *fištrón* – немецкое заимствование, в чешском имеет два значения – 1. Рыбий жир. 2. Остроумие, сообразительность; находчивое решение. *Mit fištrón* во фразеологическом словаре фиксируется в значении ‘находчивый, остроумный, умный’ (SČFI 2). В одной из статей Карла Чапека «*Ze života slov IV*», опубликованной в «*Lidových novinách*» в 1934 году, читаем: *Kulturní historikové by nám mohli říci, nebyl-li někdy snad prodáván rybí tuk čili Fischtran jako zázračný prostředek pro zvýšení inteligence, jak bychom mohli soudit podle rčení «mit fištrón». Nebo je to zbytek nějaké hapatykářské anekdoty, ve které otázka po fištrónu hrála hlavní roli?* (*Ze života slov IV. Lidové noviny, 09.01.1934*). Одни этимологи и сегодня выводят значение выражения *míti fištrón* из лечебного, стимулирующего мозговую деятельность свойства рыбьего (китового) жира [ČESR, s. 172]. Другие считают, что это значение возникло как шутка [SESJČ, s. 158], что видоизмененное нем. *Verstand* ‘ум, сообразительность’ как следствие ложной этимологии приписано слову *fištrón* в значении ‘рыбий жир’: В. Махек в своем словаре фиксирует *fištrón₁* ‘рыбий жир’ и *fištrón₂* ‘ум, сообразительность’ как омонимы, этимологически восходящие к нем. *Fischtran* и *Verstand* соответственно [ESJČ, s. 143]. П. Айснер выводит *fištrón* в значении ‘остроумие’ из нем. *Fischtran*, обращая при этом внимание на отсутствие в немецком языке переносного значения, эквивалентного чешскому, и подчеркивая, что этот пример – один из тысячи случаев, подтверждающих особое семантическое развитие заимствованного чешским языком иноязычного слова [9, с. 76]. Любопытно, что положительное влияние рыбьего жира на активизацию мозговой деятельности, о котором упоминал Карел Чапек, до сих пор никем не доказано... Тем не менее в «списке Зиберта» выражение *Ten má fištroun* приводится в ряду обозначений пьяного человека.

Kotrba изначально обозначало своеобразную треногу из соединенных жердей, предназначенную для сушки сена. Для лучшего проветривания и высыхания сено укладывалось во взрыхленном виде, вследствие чего оно торчало в разные стороны. Приспособление использовалось и в военном деле как подобие лестницы для преодоления стен. Направленность такой конструкции вверх и взрыхленность сена стали основой переносного наименования *kotrba* ‘постоянно встрепанная, лохматая и взъерошенная голова’ [SESJČ, s. 246] – именно так выглядел *císařův pekař Matěj Kotrba* в известном фильме режиссера Мартина Фрича, далее – ‘о лохматом и нерасторопном человеке’ и экспрессивное наименование ‘голова’ (www.krnap.cz). *Má v kotrbě* могло использоваться для обозначения либо умного, смекалистого, либо нерасторопного человека vs упрямого (такие значения засвидетельствованы в SJČ, s. 734 и SSJČ 2, s. 415). Заметим, что в словаре В. Флайшганса *kotrba* толкуется как ‘невоспитанный человек’, ‘голова’, в частности и глупая (*když je v ní sečka = hloupá*), но не в значении «пьяный» [ČP, с. 604]. Однако нет оснований не верить Ченеку Зиберту, поставившему его в начале XX века в ряд алко-выражений.

Приведенные нами примеры свидетельствуют о сложности их семантизации и однозначного отнесения выражения к той или иной мотивационной группе. На наличие подобных фактов обращают внимание многие исследователи чешской фразеологии [5, с. 66–67; 7, с. 351; 8, с. 256]. Л. И. Степанова в 1995 году провела специальное исследование среди 60-ти респондентов (студентов и преподавателей Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце), предложив им самим решить, откуда у того или иного алко-выражения, выражаясь фразеологически, «ноги растут». Одним из предложенных ею фразеологизмов было засвидетельствованное и Ченекон Зибертом выражение *Je na mol*, являющееся элементом активного словаря носителей чешского языка. Студенты «осовременили» истоки выражения, связав ключевой компонент *mol* с молью как вредным насекомым и музыкальным термином *моль* (чеш. *mol*). Именно этот фразеологизм в ее исследовании обнаружил самый высокий индекс активности его известности респондентам и употребления (39) [7, с. 350]. При этом авторитетный историк чешской литературы и чешского языка В. Флайшганс в двухтомном издании «*Česká přísloví. Sbírnka přísloví, průřovědí a pořekadel lidu Českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*» (ČP) указывает, что выражения *opilý na mol* и *opilý jak mol* известны в чешском языке с 16 столетия, и приводит такое объяснение: для обозначения пьяницы существовали выражения *vinný mol* и *pivní mol*, связанные с мушками-дрозофилами, хаотично летающими над бродящим вином или пивом. Возможно, что выражение *Je na mol* обозначало ‘выглядеть как мушка, медленно и хаотично летающая над выпитым вином’ [ČP, s. 1008]. По В. Махеку, *mol* соотносится со старочешским *mol, molek* ‘пьяница’, однако он приводит и выражение *ožralý na mlamolý*, допуская, что *mol* вполне могло быть связано с *mlamolati (mlamola – ‘болтун, балаболка’)* [ESJČ Machek, s. 373]. Л. И. Степанова склоняется к версии, предложенной в этимологическом словаре И. Голуба и С. Лиера и поддержанной авторами Словаря чешской фразеологии и идиоматики, которые выводят *mol* из немецкого сленгового *Molum* ‘пьянство’, вероятно, еврейского по происхождению, замечая при этом, что эта версия все же не объясняет слитного написания в современном варианте *je namol* [7, с. 351]. Если же принять версию В. Махека с *mlamolati*, такое написание объяснить можно. Таким образом, исходя из различных версий происхождения выражения, его можно отнести к различным мотивационным сферам, как и засвидетельствованное в «списке Зиберта» *Má tampus*: с одной стороны, выражение может быть отнесено к антропной мотивационной сфере «состояние человека» (*tampus* из нем. ‘быть в приподнятом настроении’), с другой, по Я. Заоралеку, – к предметной (*campus* ‘сосуд с пивом’ [LR, с. 733]). Подобные примеры приводит и В. М. Мокиенко (в частности, *opilý jako tech*), замечая, что, несмотря на определенную лабильность приведенных семантических мотивационных моделей, они все же имеют объективные типологические характеристики [5, с. 66].

Примечательно, что среди типичных структурных моделей чешских алко-фразеологизмов и устойчивых выражений «ten + děj vs stav», «mít něco», «být jaký», «být na něco» и др. встречаются и нетипичные для современной алко-фразеологии выражения с личным местоимением женского рода ОНА (= *opice*) в различных формах: *Ten ji vede, Ten ji nese, Ten ji chytil, Ten ji má, Ta jím mlátí, Ta jím trhá, Ta mu dala, Ta se s ním rve*. Выражения подобной структуры в единичных случаях встречаются в сборнике Я. Заоралека (LR): *Má ji ode zdi ke zdi, Sedla mu na záda*, идеографическом словаре И. Галлера (ČSVS): *Ta ho má, Ta ho drží, Ten ji má* и в известном словаре П. Оуржедника «*Šmirbuch jazyka českého*» (ŠJČ), охватывающем уже послевоенный период до конца девяностых прошлого века (*Umotal si ji, Mít ji na zádech, Mít ji jak z praku*). В перечне алко-фразеологизмов в Словаре чешской фразеологии и идиоматики (SČFI 5) эта модель не представлена.

Дальнейшая судьба алко-выражений, зафиксированных в «списке Зиберта», такова. В сборнике Я. Заоралека (LR) встречается лишь 33 из 123-х выражений, системати-

зированных Ченеком Зибертом (*Ten je podroušilý, Má tampus, Má múcu, Má famulu, Má fištron, Hodil přes šňuru, Metá pochopy, Je na hadry* и др.) В соразмерном по времени созданию работы Ч. Зиберта словаре чешских пословиц В. Флайшганса (ČР) – одно (*opilý na mol*). В идеографическом словаре Й. Галлера (ČSVS) анализируемых единиц зафиксировано 15 (*Má cvrčky v palici, Neví o světě, Má hamebus, Má v hořejším štoku, Má opici, Má pod čepici* и др.). В новейшем идеографическом словаре А. Клегера (ТЈČ) – 5 (*Mít v hlavě, Být na mol, Mít opici, Být nadratovaný, Být nadraný*). В Словаре чешской фразеологии и идиоматики Ф. Чермака (SČFI 1-5) находим лишь 11 выражений из «списка Зиберта», вошедших в актив современной алко-фразеологии (*Sotva stát na pohou, Být namol, Být namazaný, Mít dost, Má těžký jazyk*). Некоторые из них представлены в несколько измененном виде: *Mít opici* → *Mít smutnou (veselou) opici*, *Být na mol* → *Být namol*, *Být stříknutý* → *Bejt trochu stříknutý*, *Mít páru v hlavě* → *Být pod párou*, *Nevědět o světě* → *Nezná svět*, *Je slíva* → *Je jako slíva*. В отдельных случаях компонент немецкого (латинского) происхождения (а таких случаев в «списке Зиберта» обнаружено немало) заменен чешским эквивалентом: *Má tampus* → *Být v podroušeném stavu*. В словаре П. Оуржедника (ŠЈČ), включающем элементы сленга, арго, разговорного языка и под., во многих случаях обойденные «официальной» лексикографией, находим 10 единиц из анализируемого «списка», некоторые также в несколько измененном виде с сохранением образа (*Být na motyku, Být na cucky, Zlítej jako kanón, Být stříknutěj, Být pod párou* и др.).

Осуществленный анализ еще раз подтверждает вывод В. М. Мокиенко о том, что приведенные выше модели не являются четкой и стабильной семантической и мотивационной системой, они могут взаимодействовать, накладываться друг на друга, трансформироваться, изменяться под влиянием конструкций иного типа [5, с. 66]. Могут формально модифицироваться и сами фразеологизмы, сохраняя за собой семантическую и мотивационную сферу, которая стимулировала их появление. Преобладающее большинство алко-выражений из «списка Зиберта», как показал анализ, со временем деактуализировались и вышли из активного употребления. Однако их ценность для создания общей картины языковой презентации чешского пьяницы, видения национального взгляда на пьянство и любителя выпить homo alcoholicus, инкрустированного в общие для европейского ареала семантико-мотивационные модели, его трансформаций в пространстве и времени и – возможно в будущем – для создания аналога русско-му чешского алкословаря-справочника представляется несомненной.

Список использованных источников

1. Zíbrt, Č. Kolikrát Čech může říci: jest opilý / Č. Zíbrt // Vydrový besedy. – 1913. – R. XIII. – S. 215–216.
2. Zíbrt, Č. Pivo v písních lidových a znárodnělých / Č. Zíbrt. – Praha, 1909. – 401 s.
3. Мокиенко, В. Современная русская и славянская фразеология (синхрония и диахрония) / В. Мокиенко // Przegląd Rusycystyczny. – 2004. – № 4 (124). – С. 9–26.
4. Вальтер, Х. Homo Alcoholicus в русской языковой картине мира / Х. Вальтер, В. Мокиенко // Słowo. Text. Czas VI. – Szczecin, 2005. – S. 48–64.
5. Mokienko, V. Pije jako holendr – pije jako Holendr? / V. Mokienko // Naše řeč. – 1973. – R. 56. – S. 63–71.
6. Степанова, Л. К динамике чешских фразеологизмов (семантическое поле «Пьянство») / Л. Степанова // Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры. – Оломоуц, 1995. – С. 68–70.
7. Stěpanová, L. K některým problémům současně české frazeologie / L. Stěpanová // Spisovná čeština a jazyková kultura. 2. – Praha, 1995. – S. 348–351.
8. Федосов, О. Старое и новое во фразеологии пьянства (на примерах венгерского и чешского языков) / О. Федосов // Новое в русской и славянской фразеологии. – Оломоуц, 2020. – С. 254–259.
9. Eisner, P. Čeština poklepem a poslechem / P. Eisner. – Praha, 2000.

Принятые сокращения

- ČES – Rejzek, J. Český etymologický slovník / J. Rejzek. – Praha, 2012.
ČP – Fajšhans, V. Česká přísloví. Sbírnka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku. D. 1–2 / V. Fajšhans. – Praha, 1911, 1913.
ČSVS – Haller, J. Český slovník věcný a synonymický. D. 1–4 / J. Haller. – Praha, 1969–1987.
ESJČ – Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého / V. Machek. – Praha, 1968.
LR – Zaoralek, J. Lidová rčení / J. Zaoralek. – Praha, 1963.
SČFI 1 – Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy neslovesné. – Praha, 1983.
SČFI 2 – Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy slovesné. D. 1–2. – Praha, 1983.
SČFI 3 – Slovník české frazeologie a idiomatiky Přírovnání. – Praha, 1983.
SČFI 4 – Slovník české frazeologie a idiomatiky. Výrazy větné. – Praha, 2009.
SČFI 5 – Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník. – Praha, 2016.
SESJČ – Holub, J. Stručný etymologický slovník jazyka českého / J. Holub, S. Leyer. – Praha, 1978.
ŠJČ – Ouředník, P. Šmírbuch jazyka českého. Slovník nekonvenční češtiny 1945–1989 / P. Ouředník. – Praha, 2016.
SJČ – Trávníček, F. Slovník jazyka českého / F. Trávníček. – Praha, 1952.
SSJČ – Slovník spisovného jazyka českého. D. 1–8. – Praha, 1978.
TJČ – Klégr, A. Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frází souznačných, blízkých a příbuzných / A. Klégr. – Praha, 2007.

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzitě Palackého v Olomouci (IGA_FF_2021_009).

Abstract. The study is based on the first list of Czech phraseologisms denoting a drunk person, which was compiled by the famous ethnographer Čeněk Zíbrt at the beginning of the 20th century. The semantic-motivational analysis of the expressions presented there with regard to the common for the European area motivational models in comparison with the “alco-phraseology” presented in the Czech phraseography of the 20th–20th centuries has been carried out. The dynamics of expressions from the “Zíbrt’s list” in the projection on the phraseological, paremiological, ideographic, and Czech substandard dictionaries has been studied.

Keywords: Čeněk Zíbrt, the first list of Czech phraseologisms connected to alcohol vocabulary, semantic-motivational modeling, phraseological dynamics.

УДК 811.161.1'42:371:398.92:27-23

А. Д. Бакина

КОНЦЕПТОСФЕРА БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы, касающиеся исследования концептов фразеологии библейского происхождения при внимании к структурно-содержательному наполнению ее концептосферы. Выявляются библейские концепты, представляются библейские фразеологизмы, их вербализующие. Перспектива исследования заключается в выделении ключевых и периферийных концептов библейской фразеологии, подробном их анализе и описании, определении структуры концептосферы библейской фразеологии, а также сопоставлении концептосфер библейской фразеологии в разных языках.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, концептосфера, библейская фразеология, фразеологизмы библейского происхождения, библейские тексты.

Современные исследования в русле когнитивного подхода ознаменовали новый этап в развитии лингвистической науки, и ее раздела – фразеологии, в частности.